

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР. Выходит под редакцией В. В. Лебедева-Кумача, М. Н. Погодина, А. Фадеева.

№ 60 (911) Воскресенье, 8 декабря 1940 г. Цена 30 коп.

Критика и литература

Литературная критика и библиография являются одним из важнейших средств идейного воспитания. Настоящая, переводя критика выполняет работу огромного значения. Критика — это творческое содействие литературы. Художественное произведение вызывает в массе читателей процесс «вторичного» творчества. Критика возглавляет этот процесс, она ставит произведение в связь со всей жизнью народа, со всем жизненным опытом читателя, помогает читателю осознать, чем именно обогатило его то или другое явление искусства, или почему оно вызвало у читателя чувство протеста. Устанавливая правильные взгляды на действительность, проверяя литературу с точки зрения реальной жизни, критика выступает в качестве страстного, убежденного пропагандиста передового мировоззрения эпохи.

«Назначение критики, — писал Н. Г. Чернышевский, — служить выражением мнения лучшей части публики и содействовать распространению его в массе».

Критик, как и художник, выполняет функцию инженера души, он идейно и эстетически воспитывает читателя. Формирует его мнение и вместе с тем влияет на формирование самой литературы, обогащая и читателя и писателя. Это возможно только при том условии, что критик теснейшими узами связан с действительностью и с литературой.

Мы имеем полное основание гордиться традициями и нашей литературы и нашей литературной критики. Точно так же, как русская литература — литература Пушкина, Гоголя, Толстого, Некрасова, Щедрина, Чехова, Горького, Маяковского — является переводом литературой мира, точно так же и русская критика является наиболее передовой, наиболее глубокой и наиболее революционной. Имена Болдинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева стоят в первом ряду русской литературы.

Нет ни одного другого народа, который имел бы такую высокую культуру литературной критики.

Русская переводная критика всегда рассматривала художественную литературу, как свое кровное дело, являясь подлинной представительницей литературы.

Культура большевистской критики и библиографии всегда была исключительно высокой. Партия постоянно заботилась и заботится об этой важнейшей отрасли идеологической работы.

Ленин и Сталин необычайно повысили уровень литературной критики. В истории мировой критики нет примеров такого тонкого и гениального анализа художественных явлений, как объяснение, данное Лениным творчеству величайшего художника всех времен и народов, — Льва Толстого, писателя, наиболее сложного и трудного для критического анализа. Искусства не знает других примеров таких гениально точных и глубоких определений стиля, залая и путей жизни, развивающейся литературы, как формула социалистического реализма, данная товарищем Сталиным, и весь ряд сталинских положений, высказанных в развитие этой формулы.

Советская критика, таким образом, имеет блестящие литературно-критические образцы.

Наша критика является неотъемлемой частью советской литературы. Великие задачи советской критики и чрезвычайно благоприятные условия для ее деятельности. Она работает в атмосфере всенародного творчества. Если критикам прошлой литературы приходилось бороться за то, чтобы голос народа был услышан, то в нашей стране, в наше время народ сам выступает и как создатель и как критик художественных ценностей. Это создает условия для нового, небывалого подъема художественной критики. Задача критики состоит в правильном выражении мнения передовой части народа, многомиллионной армии партийных и непартийных большевиков, в формировании этого мнения, в подеме идейного и эстетического уровня массы читателей, в укреплении связи между народом и его литературой. Критика имеет возможность широко пропагандировать передовое мировоззрение нашего времени — марксизм-ленинизм, опираясь на действительность победившего социализма, которую отражает советская литература.

Перед советской критикой стоит задача — на основе опыта «самой молодой из всех литератур всех народов и стран», являющейся вместе с тем «самой идейной, самой передовой и самой революционной литературой» (А. Яблонов) — пропагандировать и разрабатывать вопросы теории и практики социалистического строительства, проблемы коммунистической морали, взаимоотношений людей в области общественной и личной, вопросы новой, коммунистической эстетики.

Но в работе нашей критики имеются такие слабости и недостатки, без устранения которых она не сможет справиться со своими задачами. Эти слабости и недостатки сейчас, когда вопросы коммунистического воспитания приобрели первостепенное значение, становятся совершенно нетерпимыми.

Для того, чтобы выполнять свои задачи пропаганды и коммунистического воспитания, работники критики и библиографии должны быть высокообразованными марксистами-ленинцами. Повышение идейного уровня не может быть достигнуто путем схоластического изучения одних только книг, без связи со всей практикой социалистического строительства и со всей жизнью советской литературы. Среди критико-библиографических кадров можно встретить и «чистых» эмпириков, не работающих над повышением своего идейного уровня, и схоластов, пытающихся

Приветствие ССП ССР Янке Купала

Дорогой Иван Домничинович! В день 35-летия вашей творческой деятельности на славу и благо народа Советской Белорусии мы, от лица всего многонационального коллектива советских писателей, шлем вам слова горячего братского приветия и искреннего глубокого уважения.

В годы своей поэтической юности вы написали сердечные, пронизанные светлой надеждой строки:

Счастье так редко пад на миром восходит, Все ж его знаем мы много иль мало; Счастье увидев в родном народе, Сам бы стал счастливым Янка Купала.

Давно написаны эти строки. Много дней прошло, много прожито слез народных и крови народной во имя того, что грезились вам в юных мечтах. Страшный пафз разрушительной империалистической войны прошел по полям истерзанной Белорусии. Хищная банда польских наемников-интервентов рыскала по ее опустошенным селам. В годы крови и горя нашел много страдальцев народ Белорусии солнечную правду Ленина—Сталина, нашел свое трудовое счастье в братской семье народов Союза Советских Социалистических Республик. И вам, певцу народных надежд о счастье, выдала радостная доля воспеть счастье, добытое с бою.

За то, что вы, разделив с народом горькую неволю угнетения, мужественно и гордо носили звание поэта-гражданина, родина назвала вас своим народным поэтом.

За то, что вы вместе со своими друзьями-сверстниками пол вой и удушающего русского и польских шовинистов самоотверженно защищали новую белорусскую литературу и вместе с молодыми писателями Белорусии строите новую литературу социализма, правительство Союза удостоило вас высшей награды — ордена Ленина.

Великая Октябрьская социалистическая революция наполнила ваши песни неуязвимой бодростью молодости и сделала их достоянием всех народов нашей социалистической родины.

От всего сердца желаем вам сил и здоровья, радости новых творческих побед, неиссякаемой щедрости вашего чудесного песенного дара.

ПРЕЗИДИУМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

ОБРАЗ С. М. КИРОВА В ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). Партийная организация ленинградского отделения Союза советских писателей провела открытое собрание на тему «Образ Кирова в литературе и искусстве».

Вступительное слово сделал г. Добин. Он указал, что до сих пор образ пламенного трибуна революции не нашел еще достаточно яркого и полного воплощения в литературе. Более удачны попытки кино, создавшего такое замечательное произведение о Кирове, как фильм «Великий гражданин».

Выступление т. Бялика было посвящено книге «Киров и искусство», заканчиваемой ленинградским литератором Сим. Дрейден. Автору удалось собрать и проанализировать богатейший материал.

О работе над романом, в котором выведен образ Кирова, рассказал на собрании Г. Холопов. Выступили также А. Прокофьев, Ф. Князев, Н. Брыкин и другие.

КУРСЫ-КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ УКРАИНЫ

КИЕВ. (Наш корр.). Президиум Союза советских писателей Украины решил созвать в декабре вторые республиканские курсы-конференции молодых писателей.

Для преподавательской работы на курсах привлечены виднейшие украинские писатели и литературоведы. Кроме лекций, творческих встреч с писателями и деятелями искусства, большое место в плане работы курсов уделено обсуждению произведений молодых писателей — участников курсов-конференций.

ЗАБЫТЫЕ ЖАНРЫ

Серьезной обстоятельной критике подвергся на днях на совещании членов секции научно-фантастической и приключенческой литературы в Детиздате журнал «Вокруг света». Это единственный в СССР журнал приключений и путешествий за последние годы. Работавший ранее в жанре научной фантастики и приключений. Тем не менее столичный журнал не удовлетворяет всех желающих на него подписаться, и журнал остается, по меткому выражению Э. Кренкеля, «невидимкой», настолько велик интерес к такого рода литературе у советских читателей.

Прошло полгода, как состав редакции «Вокруг света» полностью обновлен. Но карты писателей еще не собраны, и поворот к основной тематике в журнале происходит крайне медленно: художественной научно-фантастической и приключенческой беллетристики в нем попрежнему мало.

В будущем году планируется 80 лет существования журнала «Вокруг света». От редактора т. Павлова, почти не научен, совещание признало необходимым реорганизовать журнал «Вокруг света» и превратить его в основной центр советской научно-фантастической и приключенческой литературы. Участники совещания обратились к Союз советских писателей о просьбе созвать в ближайшем будущем широкое совещание писателей, посвященное проблеме развития забытых и приключенческой литературы.

Товарищ И. В. Сталин делает доклад о проекте Конституции Союза ССР на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов. Фото Евзерихина (ТАСС).

Подготовка к юбилеям Низами и Навои

В 1941 г. празднуют юбилей величайших поэтов Низами Гянджеви и Алишера Навои. Такое совпадение не случайно. Не только даты рождения двух поэтов, но и глубина их поэзии и философии, роль их творчества в развитии всей восточной культуры сближают эти имена.

На объединенном заседании юбилейных комитетов по празднованию 600-летия со дня рождения Низами и 500-летия со дня рождения Навои, состоявшемся 2 декабря в Союзе писателей, эта близость была с особой силой подчеркнута докладчиком Самедом Вургуном и Хамидом Алимджаном.

— Стихи Низами, — заметил Х. Алимджан, — распеваются узбекским народом как стихи своего поэта.

— Мы считаем Навои родным поэтом Азербайджана, — в свою очередь сказал С. Вургун.

Большая подготовительная работа в предстоящих юбилеях, проведенная в Азербайджане и Узбекистане, служит ускорением темпа ее в литературных организациях Москвы. Переводы поэмы и лирических стихов Низами и Навои — это еще не все. Нужно популяризировать творчество великих поэтов, подготовить статьи и книги, в которых бы всесторонне освещались поэтические особенности и философские идеи, отраженные в гениальных произведениях.

— Навои, как и Низами, — это океан мудрости и науки, — заметил С. Вургун. — Пересечь его на леревянных лодках нельзя. Нужны технически оснащенные пароходы. Появившиеся в периодической печати немногочисленные статьи поверхностны, иногда ошибочны. Это свидетельствует о недооценке критикой и писателями значения самого яркого представителя ренессанса Востока — Низами и основоположника узбекской литературы — Навои.

Госиздат Азербайджана подготовил к печати и частично уже выпустил переводы на азербайджанский язык поэм и лирики Низами. Готовится к печати также русские переводы некоторых поэм. В скором времени выйдут: сборник научно-исследовательских работ о поэте-мыслителе.

книга Г. Гусейнова «Мировоззрение Низами и стихи современников Низами».

Узбекиздат выпустил и продолжает выпускать отдельные издания поэм и лирических стихотворения Навои.

Поэты Украины, Грузии, Туркмении, Армении, Дагестана, Татарии, Башкирии и других братских республик переводят произведения Низами и Навои.

Празднования в честь Низами и Навои предпринимается провести осенью 1941 г. в Узбекистане и Азербайджане.

Основные доклады на последней сессии отделения литературы и языка Академии наук СССР были посвящены Низами и Навои. Докладчики осветили весь круг историко-литературных и творческих проблем, связанных с наследием поэтов и с преемственностью их литературно-философских традиций, в современной советской литературе.

Член-корреспондент Академии наук Е. Э. Бертельс рассказал о творчестве ближайших предшественников Низами — Хакаки, Абулгя Гянджеви и Катрани. Эти крупнейшие поэты были мастерами крупный (оды) и сатирической лирики. Единственный эпос, который был известен Низами, это «Шах-Наме» Фирдоуси. С ним Низами полемизировал в своем эпическом творчестве. Поэтому в азербайджанской литературе Низами является одновременно и новатором и родоначальником эпического жанра.

Поэт Самед Вургун дал в своем докладе краткий очерк развития гуманистических традиций Низами в новейшей азербайджанской литературе. Свободолюбивые идеи Низами обогащали на протяжении столетий общественную мысль и поэтическое творчество Азербайджана. Навышней формы эти традиции достигли в произведениях Мира Фатали Ахундова, знаменитого драматурга и философа-материалиста XIX века.

В конце XIX и в начале XX столетия антиклерикальные и демократические тенденции в азербайджанской литературе продолжали драматург и журналист Джалил Мамед Кули Задэ (Молла Насреддин) и

поэт-сатирик Сабир. Их борьба против реакционных сил в мусульманских странах и против русского паризма вызвала глубокий резонанс на всем Переднем Востоке до Индии включительно. Творчество великих азербайджанских писателей Хакаки и Низами, а за ними Вагира и Видади, Намини и Фаузи, Бакиханова и Ахундова, Молла Насреддина и Сабра и многих других заставило арабскую литературу усугубить Азербайджану литературное первенство на Переднем Востоке.

Академик И. Ю. Крачковский рассказал о происхождении и эволюции замечательного лирического сюжета повести о Лейли и Меджнун. В VII веке жил в Аравии поэт Меджнун из племени Амир, восторженный платонической любовью. Большинство творений поэта было посвящено его возлюбленной Лейли.

М. Шейх Задэ (узбекистанский филиал Академии наук) остановился в своем докладе на основных чертах творчества Алишера Навои. Отдавая дань господствовавшей в его время религиозно-философской доктрине суфиев (мистико-аскетическое учение), Навои никогда не в теории, ни на практике суфием не был. Герои его поэм отличаются не аскетической суровостью, а активной борьбой за свои права. Навои, даже пользуясь суфийской терминологией, беспощадно бичевал паразитическое суверенное мусульманское духовенство, представителя которого «за одну драхму сто правд неправдой делают, за небольшую поларку множество «лет», перелая, напишут как «д» («Друг дерек»). Пессимизм Навои был особым роля, к нему вполне применимо определение Горького — «действительный пессимизм». Алишер Навои неизменно внушал ненависть к бесчеловечности эксплуататорского общества; он поднимал бунт совести против оков феодализма, жертвами которых становились Фархад и Меджнун, Лейли и Ширин.

Влияние А. Навои на развитие литературного узбекского языка явилось темой докладов члена-корреспондента Академии наук С. Е. Малова и молодого ученого сотрудника ташкентского филиала Академии наук т. Усманова.

КНИГИ БУДУЩЕГО ГОДА

План

Гослитиздата

На днях закончил свою работу редакционный совет Гослитиздата, обсудивший тематический план издательства на 1941 год.

Редакционный совет тщательно рассмотрел план, произведя строжайший отбор изданий в соответствии с решением ЦК ВКП(б) о перестройке работы Гослитиздата.

В итоге представленный план был сокращен, в нем остались 308 названий из 385. Зато резко возросло число многотражных изданий.

Каждый раздел плана был внимательно проанализирован в специальных секционных совещаниях. Основу раздела современной литературы составлял переиздания лучших произведений советской поэзии и прозы. В серии «Нарованье» выйдут в свет сборники стихов Батюшкова, Матюшкина, Асеева, Твардовского, Шипачева, Светлова, Пастернака, Сельвинского и др. Очень значительная программа по переизданию лучших произведений русской советской поэзии — от Серафимовича и Сейфуллиной до «Возмущения спокойствия» Л. Соловьева и «Степная Кольчугина» В. Гроссмана.

В частности, намечено издание ряда однотомников избранных произведений Вересаева, Фурманова, Тютюнова, Сергеева-Ценского, Подъячева, Зощенко и др. Признано необходимым издать сотням тысяч экземпляром одной книгой все четыре части «Тихого Дона». С будущего года начнется издание собрания сочинений А. Макаренки.

Значительную долю раздела русских классиков составляют лермонтовские юбилейные издания. Из начатых ранее собрания сочинений русских классиков Гослитиздат в будущем году завершит издание шеститомника Пушкина и двенадцатитомного собрания сочинений Маяковского. Издательство приступит также к изданию полного собрания сочинений Некрасова и Чехова.

Кроме того, шесть новых томов получат политички полный собрания сочинений Л. Н. Толстого и четыре тома — подлинники пятнадцатитомного собрания сочинений А. М. Горького.

Решением редакционного совета в план русских классиков включено издание однотомников избранных произведений Лескова и Мамина-Сибиряка, и условно, если окажется возможным, Гаршина и Писемского.

План литературы народов СССР в отдельном варианте охватывает 25 национальных литератур — включая еврейскую и польскую. Вновь включены в план таджикская и бурят-монгольская литературы.

Первая будет представлена повестью Айни «Смерть ростошица», вторая — сборником стихов одного из лучших бурят-монгольских поэтов Ц. Галсанова.

Значительным изменениям подвергся план по классикам и современной иностранной литературе. В частности, решено массовым тиражом издать «Фауст» Гете. Расширен отдел китайской литературы и т. д. На редовные был поднят вопрос об издании антологий поэзии европейских стран.

Наконец, существенно видоизменен план раздела литературоведческой и критической литературы. Решено, в частности, издать сотням тысяч экземпляром биографию Горького, написанную Грудзевым, и подготовить издание биографии И. Франко и Навои. В связи с тем, что у нас до сих пор нет полного и правдивого марксистской биографии Л. Н. Толстого, — признано необходимым подготовить такое издание.

В работах редакционного совета приняло активное участие: П. Чагин, проф. А. Бродин, Н. Рубинштейн, М. Розенталь, Н. Мещеряков, Н. Асеев, М. Бажан, Ф. Гладков, М. Зощенко и К. Фелин.

План издательства

«Советский писатель»

На днях издательство «Советский писатель» вынесло на обсуждение своего редакционного совета проект плана изданий на 1941 г. Рукописи уже прорецензированы писателями и редакторами издательства и одобрены на предварительных заседаниях редсовета. Мы не встретим уже в плане против имен некоторых маститых наших писателей столь обычной ранее неконкретной пометки — «новое произведение».

Издательство обещает в 1941 г. дать читателям 196 книг, т. е. на 75 названий больше, чем в прошлом году. При этом в московском отделении издательства, где будет выпущено 119 названий, увеличивается, главным образом, издание новых произведений молодых прозаиков. Многие из принятых прошло через журналы и получили уже положительную оценку в прессе.

Советский читатель познакомится с четырьмя новыми авторами. В их числе Н. Емельянова, начавшая свою повесть «В Уссурийской тайге» в журнале «Красная нить». Е. Дорош, написавшая рассказы о Буденном — «Маршальские звезды», И. Амурский, автор книги о гражданской войне «Матрос Железняк», Б. Ямпольский, Р. Кармен, О. Эрберг, о произведениях которых недавно сообщалось в «Литературной газете». С пер-

выми книгами выступают также И. Егоров «Буйные травы», А. Ильинихин «Горд медь» — о Балхашстрое, А. Коптяева «Фарт» — повесть о советских старателях и другие.

Издательство выпускает также повесть о Побелонесенье С. Голубова, морские эпизоды Д. Лукманова, книгу об акад. Лысенко А. Поповского, вторую часть повести «Музыканты» Ос. Чорного и другие.

Из произведений широко известных наших писателей будут изданы повесть М. Пришвина «Фантома» и К. Паустовского «Железная роза», романы П. Павленко «Шамань», Ю. Крымова «Ильичева», И. Новикова «Пушкин на юге», вторая часть книги Т. Семушкина «Чукотка», рассказы Л. Бергеландера, А. Яновлева, посмертный вариант романа В. Житкова «Виктор Ванюк». В серии избранных произведений издается С. Сергеев-Ценский, Л. Сейфуллина, Матэ Залка, А. Грин, Л. Конюшина, В. Лебедев, Н. Огнев, Г. Чулков и другие.

Из девяти поэтических сборников особенно интересны английские баллады XVII века в переводе С. Маршала, книга А. Твардовского «Затвор», переводы Коца из Эжена Потье и посмертный сборник молодого поэта А. Копштейна.

Народное творчество представлено в плане четырьмя изданиями: «Русская частушка», «Антиреволюционный фольклор», «Тайные сказки рабочих Урала» и «Сказы колхозников».

В числе произведений по литературоведению — сборник статей В. Успеняч, книги Л. Тимофеева о Маяковском, И. Розанова о Лермонтове, А. Дельмана о проблемности в художественной литературе.

Издательство следует обратить внимание на то, что все еще крайне слабо ведется работа с писателями, живущими в Москве и Ленинграде. Одинадцать книг в плане принадлежат не московским авторам. В их числе «Малаяхотва шкатулка» П. Бажова, роман о гражданской войне Д. Петрова-Вирхова «Казань», морские рассказы П. Северова, книга рассказов М. Сергеевко «Дорогой Шпорс», роман М. Буланова «Мамонтовщина» и несколько других произведений. Эта диспропорция в плане объясняется, видимо, еще еще недостаточной осведомленностью издательства с тех интересных явлениях, которые происходят в литературе страны.

Мы не коснулись в этой заметке изданий ленинградского отделения «Советского писателя», выпускающего в предстоящем году свыше 70 книг, в числе которых 36 прозаических произведений и 35 названий составляют большую и малую серии «Библиотек поэтов».

На обсуждении книги о В. В. Маяковском

□ □ □
В. Перцов

□ □ □
В. Лебедев-Кумач

Наш разговор о Маяковском, к сожалению, страдает «литературщиной». Между тем, Маяковский — лучший поэт эпохи и, расширяя его творчество, можно решить проблемы эпохи. Личный герой Маяковского намекает черты нового человека. Маяковский жертва во имя России, подлинный личное общественно. Маяковский дал новое решение конфликту: любовь и долг, причем оказалось, что для него долг это и есть любовь:

Я ж с небес поэзии
бросавсь в коммунизм,
потому что
нет мне
без него любви.
Маяковский всей своей деятельностью дал тип человека новой культуры, у которого голова и руки не в расладе. От работы над тончайшей поэмой «Про это» он переходил к писанию рекламы для госорганов. Одному танцору он сказал: «У вас голова наделый километр впереди нашей профессии. Это может сделать вас несчастным. Подумайте: слесарь, если он хороший слесарь, должен верить, что его профессия самая лучшая. А вы к своей профессии относитесь сверху вниз.»

Если сопоставить переводы Маяковского в его поэтической работе от «большого» к «малому» и вновь от «малого» к «большому», с тем, что происходит сейчас в нашей культуре, когда мы говорим, что нам нужны не только артисты и инженеры, но и квалифицированные рабочие, то мы почувствуем в деятельности Маяковского черты человека новой культуры.

К сожалению, я не могу подробно останавливаться на разработке этих наиболее интересных вопросов, потому что в связан злободневными темами дискуссии. Прежде всего о разделе Маяковского на «сферы влияния», или вопрос об учителях Маяковского. Учителями Маяковского были не только футуристы и Хлебников. Этих учителей гораздо больше, и они еще не все здесь названы. Учителем Маяковского был, конечно, А. Блок. Блок вспоминает, как ему пришлось А. Блоку выживать из Маяковского глубины И так и не удалось выжить. Из Саши Черного Маяковский перешел в свои стихи с незначительными изменениями целые строчки. Например, «А с неба смотрела какая-то дрянь...» Кое-что перешло и Маяковскому и от Игоря Северянина, и от Утманова, не говоря уже о таких учителях, как Пушкин, Лермонтов и Некрасов.

И все-таки, совершенно нелепо разделять гениального поэта на «влияния», разлагать то, что ценно, как неразложимое. Конечно, Маяковский, как всякий большой поэт, рос на почве определенной его литературы, впитывая определенное влияние, но он всюду брал не чужое, а свое.

Футуризм в очень сложном сочетании с другими литературными влияниями помог Маяковскому в начале его литературной деятельности поэтически оформит его революционное мировоззрение. Но к мировоззрению Маяковского футуризм не имел решительно никакого отношения. Оно сложилось до и вне футуризма и вообще до начала литературной работы Маяковского, в условиях семьи, воспитавшей поэта в уважении к труду, в условиях революционного большевистского подполья, в страстном изучении марксизма. И эти революционные мировоззрение было движущей силой, породившей революционного поэта. Сметаворю даже ставить вопрос о том, что Маяковский породил футуризм, каково бы ни было значение футуризма, как фермента языкового творчества.

Движущей силой, породившей Маяковского, была революция, подъем рабочего движения в 1917 г. Поэтому влияние Хлебникова — человека гениальных поэтических возможностей, и влияние Горького принципиально-несоизмеримые вещи. Приход Маяковского к Горькому (уже

в 1914 г.) — это восстановление связей с революцией и постановка вопроса о массовом искусстве.

Маяковский и современная советская поэзия, Положение Маяковского, как лучшего поэта, — положение агрессивное. В самом деле, ведь то, что признало образованием, как бы говорит — равняйтесь на меня, будьте, как я! И вот, мне кажется, есть разница между традициями Маяковского и направлением Маяковского в области формы. Традиция Маяковского — это традиции всей советской поэзии в их гениальном выражении. За эти традиции мы будем бороться и будем стремиться к тому, чтобы распространить их на всю советскую поэзию. Молодых поэтов нужно воспитывать в традициях Маяковского. Какие это традиции? Я называю важнейшие из них, именно те, которыми в данный момент возвращается к нам Маяковский.

Это прежде всего традиции социальной лирики. Маяковский берет всех советских поэтов расширять личное до охвата общественного, давать в поэзии синтез личного и личного. Это, во-вторых, то, что можно назвать жанровое многообразие, т. е. умение переходить от «большого» поэтического описания к «большому» поэтическому описанию, к «большому» поэтическому описанию, к «большому» поэтическому описанию.

Таковы традиции Маяковского, которые мы хотим передать всей советской поэзии. Другое дело — направление Маяковского в области формы. Я не думаю, что можно сказать в этом отношении о Маяковском так: он особенный, форма его не поддается подражанию, и здесь никакого толка от Маяковского к современным поэтам быть не может. Вы знаете замечательное недавнее высказывание М. И. Калинин о том, что по форме Маяковский, а не только по содержанию его произведений будущею истории скажут, что его произведение принадлежало великой эпохе большого человеческого отношений. Как же такая форма может быть мирной, не агрессивной? Конечно, она нападает, тревожит не дает застыть! Но как будет происходить влияние формы Маяковского на современных поэтов — это вопрос не простой. Можно сказать, что поэзия поэт Маяковского сейчас оживает, но вряд ли история позволит ей слишком долгому переживанию.

Когда я думаю о направлении Маяковского в области формы, то прежде всего вспоминаю, конечно, об Асееве и Кирсанове. И, нужно сказать, что вопрос для меня усложняется. Мы все согласны с тем, что Асеев замечательный поэт, самобытно продолжающий традиции Маяковского. Но в чем выражается замечательная форма Асеева от формы Маяковского, — ответить на этот вопрос оказывается не таким простым делом. Если взять такую элемент формы, как рифма — взаимосвязанная, ассонансы, составная, то она налицо у обоих поэтов. Но ведь не в этом дело. Возьмите Асеева «Осы» и «Ужасное», и вы почувствуете здесь другое материнское слово. Это ближе к Хлебникову. Я пробовал проверить связь между формой Асеева и формой Маяковского по другим лицам — какое значение имеют для Асеева те поэты, которые были учителями Маяковского? И вот мне кажется, что интонация А. Блока у Асеева нет, я, во всяком случае, не чувствую. Или линия Саши Черного, линия литературной иронии, шутки, очень важная для формы Маяковского, — этого у Асеева нет.

Смысл связи Асеева с Маяковским — в области формы слогов Маяковского с каким-то другим иконом.

Во всяком случае, Асеев никогда не культивирует прямо ни одного приема Маяковского. А Кирсанов как раз на этом, т. е. на культуре отдельного приема Маяковского, а именно — каламбура, итислов основал всю свою поэтическую деятельность. Надо сказать, что это человек необычайных способностей, в смысле культивирования этого приема. Его речевые упражнения изумительны с функциональной стороны, но, повидимому, сам поэт не удовлетворен своей работой. Из таких больших поэм, как «Моя именинина», «Арар Маркс», «Пятилетка», «Золотой век», он включает в свою итоговую книгу по две-три страницы. Значит, эти каламбуры поэмы, эти упражнения имели известное значение, но быстро отслужили, и перенести их он уже не может.

Я думаю, что это довольно странная. При исключительном развитии речевых упражнений полноценных стихов немного. Я отобрал четыре превосходных стихотворения: «Маяковскому», «Атланты и сокоробит», «Кубы» и изумительнейшее стихотворение «Разговор с Дмитрием Фурмановым», в котором дано объяснение неудачи самого Кирсанова.

Вот если насадить культуру отдельных приемов Маяковского без того, чтобы это сочеталось с революционным чувством, революционной мыслью и революционным образом Маяковского, то мы придем к кирсановской функционалке. Этого молодым поэтам рекомендовать нельзя.

Последнее — это то, что я называю любовью к Маяковскому в народе и в среде литераторов. Вы знаете, как Маяковский был популярен при жизни, и в какую грандиозную манифестацию любви к поэту вылились его похороны. Сейчас новые люди и новые сердца повернулись к Маяковскому, а литераторы отстали. Почему? Я не буду сейчас заниматься этим вопросом, но это — факт. В последние времена больше становится друзей у Маяковского среди литераторов, но их еще мало. Принято и важно, когда выходящие молодые люди среди литераторов, которые оказываются друзьями Маяковского, к таким людям и чувствуемую нежность, участие в нашей дискуссии, я должен сказать, прежде всего к Трубцу, который действительно Маяковского любит. Но любит его, по существу, робкой любовью, так как его больше всего тревожит, как бы слава других поэтов не нанесла ущерб Маяковскому. Для Трубца Маяковский один, он не чувствует его в искусстве, как часть искусства, в ряду, скажем, А. Блока, Л. Толстого, Рембранта, Маяковский появляется для Трубца на голый зем.

Тов. Трубцу хочет, чтобы поэты продолжали дело Маяковского. Но как он наставляет Маяковского среди поэтов? Он доказывает, что Маяковский писал лучше. Это не поднимает настроения. Этак могут сказать, что Великий писал лучше, и тогда нас с вами, Трубцу, придется прекратить свою деятельность.

Он схватился за «Снежинку» Шипачева, человека талантливого, очень скромного и очень требовательного к себе, у которого есть ряд прекрасных стихотворений, и доказывает, что «Во весь голос» лучше написано. Да побойтесь вы бога, Трубцу, ведь такого произведения, как «Во весь голос», свет еще не выдал от самого сотворения мира. Нехорошо, когда сравнением с Маяковским быть растущих, работающих людей.

Фигура Маяковского не должна полагаться своей громадностью, а обнадеживать, звать к работе. Образ Маяковского современного поэта — это образ старшего товарища, «неглупого и чуткого», который всегда готов поддержать советом и разделить со всяким достойным волею «курцу славы».

ред в творчестве этого поэта. Мое мнение не единично. Положительную оценку этому произведению Алтаузен дали такие поэты, как М. Светлов и П. Антокольский. Трудно обсуждать отдельные достоинства поэмы, но каждому, кто любит поэзию, найдет в ней много хорошего, не мертворожденного. Поэма говорит о том, что Алтаузен много работал над собой, и игнорировать это не следует. Иное дело, когда Алтаузен, Жаров и Сурков опонируют Фалееву, сознательно или неосознанно создавая впечатление, что они защищают свое поэтическое направление, которое, якобы, имеет лидера в лице Лебедева-Кумача. Здесь, как я уже говорил, необходимо согласиться с т. Фалеевым в том, что вышеупомянутые товарищи ругают за мнимую величину, ибо никакого объединяющего поэтического направления нет. Поэма Алтаузен, которая мне нравится, по своей манере и по близости к Маяковскому, гораздо ближе к П. Антокольскому, например, чем к Жарову. Стихи Суркова, написанные в одном из номеров «Нового мира» за этот год, находятся на более короткой дистанции от «Ночного объезда» Хлебникова, нежели от песен В. И. Лебедева-Кумача. Какие же общие творческие принципы могут защищать эти поэты, будучи столь разнородными?

Вопрос отпадает, ведь ответ на него может быть только отрицательный. Мне хотелось бы закончить свое выступление следующим: чисто творчески разговор о Маяковском — вещь хорошая и полезная, но основная тема сегодняшней дискуссии — это Маяковский и современная поэзия. Я думаю, не ошибусь, если скажу, что здесь должно главенствовать наше общее желание поднять наши поэтические произведения на еще большую высоту, желание найти точку товарищеского контакта, чтобы легче работало, легче дышалось, чтобы была подлинная творческая дружба. И поэмы очень жаль, что выступления некоторых поэтов носили сугубо личный, запальчивый характер, внося в дискуссию дезорганизаторские настроения.

А. Коваленков

Мне хочется продолжить выступление т. Перцова в его последней части, где он полемизирует с Трубцом.

Трубцу поставил на прошлом собрании вопрос о Маяковском и современной поэзии. Вот об этом и хочется сказать несколько слов. Перцов хорошо говорил о тенденциях Трубца — сказать на Маяковского дубину, — путая для современных поэтов-лириков. Но дело не только в этом тенденциозном отношении, но в основном утверждение Трубца, что творчество Маяковского не эволюционировало, что даровальные и послереволюционные стихи Маяковского однородны. Маяковский в 1913 г. писал иначе, чем в 1928. Забывать об этом — значит дезориентировать тех, кто хочет учиться у Маяковского, следуя лучшим образцам его творчества. Менялись социальные тенденции Маяковского, менялись его эстетические воззрения.

Говоря о современных поэтах-лириках, Трубцу останавливается на Шипачеве, работе которого видит принципиальное расхождение с методами и формальными приемами лирики Маяковского. В доказательство Трубцу приводит стихотворение Шипачева «Снежинка», утверждая, что само слово «снежинка» чудно лексикой Маяковского из-за своей сентиментальности. Это неверно. Маяковский в своей работе оперировал самыми разнообразными словами. Так, например, в известном неоконченном стихотворении Маяковского — «Я знаю силу слов, я знаю слов падающих» есть (следует терминологии Трубца) «сентиментальное» слово «лепесток», которое в контексте звучит следующим образом: «Я знаю силу слов. Глядящая пулянок. Опавшим лепестком под каблуками танца...»

Творчество Маяковского — это огромный оркестр, в котором парад у барабанами существуют скрипки. И если Трубцу отдает предпочтение барабану, то это, как говорится, — дело частное. В одной из своих статей, написанной в 1937 г., Трубцу упрекает Шипачева за «романтизм». Нужно сказать, что опята-таки это холостой выстрел, ибо не каждый романс плох. А рекомендовать советским поэтам не писать романсы — это значит открывать дорогу пропавшей лирике Вадима Козина.

Писать, следуя методам Маяковского, можно и не копируя его приемов, его интонаций, его манеры. Стиль и манера — вещи разные, и это надо различать. Всякое подражание есть не продолжение, а повторение. Повторять за Маяковским дискантом то, что он говорил басом, — значит пародировать.

Цель критики — найти влеч к при-

«Маяковский был и остается лучшим талантливейшим поэтом нашей советской эпохи».

Потому дискуссия, которая развернулась вокруг книги, написанной о В. В. Маяковском, естественно должна была перейти в большой и принципиальный разговор о путях и задачах современной советской поэзии, о том, какими идеями, творческими и моральными качествами должен обладать современный поэт. Давно уже пора нам по-большевистски, по-демократически рассмотреть и проверить наше многообразное поэтическое хозяйство, подчитать свои силы, поглядеть, хорошо ли мы служим советскому народу, хорошо ли выполняем заветы нашего «капиталора, горла-главара».

За последние годы ни на одном из наших торжественных пленумов, — а их было не мало и почти все они были посвящены поэтам, — задачи современной поэзии не поднимались и не обсуждались. На пленуме, посвященном памяти Шевченко, я попробовал в своей речи поднять вопрос о моральном облике поэта, о его кровной связи с народом, о том, чтобы поэтическое слово не расходилось с делом. Но голос мой был, очевидно, недостаточно громок, ибо он утонул в академических речах и банкетном шуме.

Даже такая дата, как десятилетие со дня смерти В. В. Маяковского, не вызвала нашу поэтическую общественность на большой и серьезный разговор о современной советской поэзии. Однако это дело прошлого. Казалось бы, теперь, без пятидесяти лет, в деловой и товарищеской обстановке, на основе конкретных книг о Маяковском такой разговор обязательно должен был состояться. Обязательство, которое сама жизнь, как писатель, толкает нас на такой разговор. Граждане и почетные задачи, которые поставила перед нами партия, мы еще не до конца поняли и далеко не всегда хорошо и правильно выполняем. Вместо полных мы приносим порой даже вред народу. И это время больше становится друзей у Маяковского среди литераторов, но их еще мало. Принято и важно, когда выходящие молодые люди среди литераторов, которые оказываются друзьями Маяковского, к таким людям и чувствуемую нежность, участие в нашей дискуссии, я должен сказать, прежде всего к Трубцу, который действительно Маяковского любит. Но любит его, по существу, робкой любовью, так как его больше всего тревожит, как бы слава других поэтов не нанесла ущерб Маяковскому. Для Трубца Маяковский один, он не чувствует его в искусстве, как часть искусства, в ряду, скажем, А. Блока, Л. Толстого, Рембранта, Маяковский появляется для Трубца на голый зем.

Тов. Трубцу хочет, чтобы поэты продолжали дело Маяковского. Но как он наставляет Маяковского среди поэтов? Он доказывает, что Маяковский писал лучше. Это не поднимает настроения. Этак могут сказать, что Великий писал лучше, и тогда нас с вами, Трубцу, придется прекратить свою деятельность.

Он схватился за «Снежинку» Шипачева, человека талантливого, очень скромного и очень требовательного к себе, у которого есть ряд прекрасных стихотворений, и доказывает, что «Во весь голос» лучше написано. Да побойтесь вы бога, Трубцу, ведь такого произведения, как «Во весь голос», свет еще не выдал от самого сотворения мира. Нехорошо, когда сравнением с Маяковским быть растущих, работающих людей.

Фигура Маяковского не должна полагаться своей громадностью, а обнадеживать, звать к работе. Образ Маяковского современного поэта — это образ старшего товарища, «неглупого и чуткого», который всегда готов поддержать советом и разделить со всяким достойным волею «курцу славы».

ред в творчестве этого поэта. Мое мнение не единично. Положительную оценку этому произведению Алтаузен дали такие поэты, как М. Светлов и П. Антокольский. Трудно обсуждать отдельные достоинства поэмы, но каждому, кто любит поэзию, найдет в ней много хорошего, не мертворожденного. Поэма говорит о том, что Алтаузен много работал над собой, и игнорировать это не следует. Иное дело, когда Алтаузен, Жаров и Сурков опонируют Фалееву, сознательно или неосознанно создавая впечатление, что они защищают свое поэтическое направление, которое, якобы, имеет лидера в лице Лебедева-Кумача. Здесь, как я уже говорил, необходимо согласиться с т. Фалеевым в том, что вышеупомянутые товарищи ругают за мнимую величину, ибо никакого объединяющего поэтического направления нет. Поэма Алтаузен, которая мне нравится, по своей манере и по близости к Маяковскому, гораздо ближе к П. Антокольскому, например, чем к Жарову. Стихи Суркова, написанные в одном из номеров «Нового мира» за этот год, находятся на более короткой дистанции от «Ночного объезда» Хлебникова, нежели от песен В. И. Лебедева-Кумача. Какие же общие творческие принципы могут защищать эти поэты, будучи столь разнородными?

Вопрос отпадает, ведь ответ на него может быть только отрицательный. Мне хотелось бы закончить свое выступление следующим: чисто творчески разговор о Маяковском — вещь хорошая и полезная, но основная тема сегодняшней дискуссии — это Маяковский и современная поэзия. Я думаю, не ошибусь, если скажу, что здесь должно главенствовать наше общее желание поднять наши поэтические произведения на еще большую высоту, желание найти точку товарищеского контакта, чтобы легче работало, легче дышалось, чтобы была подлинная творческая дружба. И поэмы очень жаль, что выступления некоторых поэтов носили сугубо личный, запальчивый характер, внося в дискуссию дезорганизаторские настроения.

По возникает вопрос, позволительно ли и нужно ли на серьезной творческой дискуссии так безапелляционно и безоглядно утверждать свой вкус, как это делает т. Фалеев, тем более, что в почетном варианте своей речи он выступает, очевидно, как руководитель совза.

Мне думается, что выступление т. Фалеева ни в какой мере не может помочь нашей поэзии. Прежде всего, т. Фалеев никак не смог прямо ответить на основной и самый существенный вопрос: есть ли в нашей современной поэзии люди, продолжающие великое дело, которое делал Маяковский? Не в пример т. Фалееву я с полной ответственностью и с великой радостью могу сказать: есть! Думаю, что о такой же ответственности меня поддержит и второй член президиума — поэт Н. Н. Асеев.

Конечно, Маяковский — гигант, многосторонний, талантливейший, почти всеобъемлющий, но можно ли сказать, что он совсем не оставил наследников, упорно, честно и порой очень талантливо продолжаящих его работу и выполняющих его заветы? Нет! Этого сказать нельзя! «Грешество славы», которое есть, но трижды — которое будет, — вот завет Маяковского.

И с этой точки зрения я считаю огромное большинство наших поэтов, в том числе и себя, прямыми наследниками Маяковского. И меня очень радует, что у Маяковского так много наследников, хочется, чтобы их было еще больше. «Сорок и раз», я писал так о критиках, которые «на основании нескольких строчек или вовсе без всякого основания развешивают с десяток поэтов, просто и безогорочно заявляя, что творчество этих поэтов — не поэзия». Я предостерегал т. Фалеева и от не в меру ретивой раздачи лавров.

Вот что писал я тогда в «Правде»: «Если на основе сплюснутой и малодушевно охаванной нельзя создать творческого сотрудничества писателей, то колоссальная на основе огульного и творческого захватывания наперля и беспринципности, и порочна, и бесполезна для дела».

Однако т. Фалеев, как тогда был, повидимому, не согласен с голосом «Правды», так не согласен с ним и теперь, о чем он публично заявил на прошлом собрании в связи с разговором о Козине.

Потому в своих суждениях о поэзии т. Фалеев на этот раз применил сразу два метода — и захватывания, и охавания, расчитывая, очевидно, что минус на минус даст плюс. Плюс не получилось, а минус получился очень большой. Ибо выяснилось, что т. Фалеев не любит советской поэзии в целом и никак не заинтересован в ее росте и развитии. Я уже не говорю о том, что в разговоре т. Фалеева не было и признака хоть сколько-нибудь бережного отношения к человеку, к творческой личности, как известно, чрезвычайно и болезненно уязвимой.

Говоря о работе поэта-коммуниста Джанки Михайловича Алтаузен, поэта, сравнительно молодого по возрасту, но уже не мало лет и не без пользы работающего в нашей литературе, т. Фалеев заявил что «о нем нельзя говорить вообще, как о представителе поэтического направления и силу его абсолютного неведения какой бы то ни было формой и полным незнанием русского языка. Нужно прежде всего взять грамматику, синтаксис и всего-то учить».

И это — все. Не знаю, читал ли т. Фалеев стихи т. Алтаузен или просто взял чужую точку зрения, ища в ней «кадровое зерно», но считаю, что в любом случае такое абсолютно необоснованное, барск-абсолютное и нетоварищеское по тону суждение о работе поэта-коммуниста недопустимо. Должен же т. Фалеев понять, что руководителем Совза писателей ли может так говорить и выступать в печати о поэте, не имея для этого оснований. Пусть ответит т. Фалеев, какие основания были у него для такой полной дисквалификации поэта Алтаузен и почему он, Фалеев, раньше не привел эти основания президиуму? Иначе вся писательская общественность будет вправе считать высказывания т. Фалеева о поэте Алтаузен абсолютно недопустимыми по тону и абсолютно неприемлемыми по существу.

Всем известно, что совсем недавно т. Алтаузен написал поэму «Пробуждение героя», напечатанную в журнале «Знамя». Я с полной ответственностью могу сказать, что эта поэма — большая победа на творческом пути Алтаузен, победа, завоеванная исканиями и трудом. Поэт Антокольский, которому поэтическая общественность не может отказать в знаниях и понимании формы, — считая работу Алтаузен «приятным событием в нашей поэзии», так говорит о ее формальных качествах: «Поэма написана трудной строфой, которая могла бы звучать монотонно, если бы не итонноное разнообразие автора. Это жаль — явная удача».

от всей души присоединяюсь к мнению т. Асеева.

После поэмы «Вари Одинокова» поэт Жаров выступил в 1939 г. явную лозы стихов «Доброе утро» и весной 1940 г. перевел большую поэму чувашского классика Иванова — «Нарспи». К сожалению, не будучи знакомым с чувашским языком и не имея в своем распоряжении подстрочника, я не могу судить о точности перевода, но поэма «Нарспи» в переводе Жарова мне понравилась, и я считаю, что т. Жаров сделал большое и нужное культурное дело.

Зато о песенных удачах поэта Жарова я могу сказать уже в полный голос: тут нужно прежде всего назвать прекрасную и очень мелодичную детскую песенку «Ручеек», отмеченную «Комсомольской правдой», популярную песню «Всё чем теплей сильны мы и богаты» и ряд других.

Как видите, и в отношении т. Жарова оценка т. Фалеева — такая же барск-абсолютная, безоглядательная и нарочно-обидная — никак не оправдана качеством работы этого поэта-коммуниста.

Если к тт. Алтаузену и Жарову т. Фалеев в своих оценках попирает применение, так сказать, политку кнуга, то кое-кого из поэтов он решил устроить и признать со своего слова, причем и это сделал неуживо, беззастенчиво, положив свои прищипы столько же сахара, сколько соли истергал он на смачивание строки кнуга. Молодого поэта Александра Трубцова Трубцовского, автора «Страны Муравия» и «Сельской хроники», он поэтскому сраму и адругу решил возвести в сан «крупнейшего советского поэта». Мы все уважаем и ценим нашего т. Трубцова и именно поэту глубоко жаль, что у него не закумуются голова от нарочно-неумеренных впитов т. Фалеева. Не следует ли руководителем Совза разбираться этим впитом?

На президиум Совза, на все наши поэтические общественности, на даже самые высокие и авторитетные инстанции не рискует выдвигать советским писателям прижитые патенты на звание «крупнейших». Тов. Фалеев с легкостью вписывает необыкновенно раздает лобные впитеты направо и налево, но непонятным причинам время от времени меняя доверку сахара и кислоты. Можно спросить одного Н. Н. Асеева, сколько различных впитов наградило его т. Фалеев за краткий срок после выхода поэмы «Маяковский начинался», а т. Трубцовский удостоился звания «крупнейшего»?

Позволительно напомнить здесь, что, когда в ноябре 1938 г. т. Кирсанов пытался «забить» молодых поэтов и в том числе т. Трубцовского, т. Фалеев не стал нужными сказать хотя бы слово в защиту «крупнейшего», и заняться этим пришлось мне.

В арсенале т. Фалеева есть для поэтов целый ассортимент различных впитов, но все случаи жизни. Если это те самые впитеты, которые по выражению т. Катвеева «часами оттаиваются в клубе», то надо сказать, что отточен они все же стандартно: «Один из крупнейших, крупнейших, самый крупный, крупнейший, выдающийся, самый выдающийся, выдающийся, самый выдающийся. Поэт с громким голосом, с не очень громким голосом, с очень громким голосом» и т. д.

Нас, поэтов, удивляет, каким образом и по каким признакам т. Фалеев изобретает эти впитеты, — почему, например, т. Сурков назван «поэтом с не очень громким голосом», и если Н. Н. Асеев один из самых выдающихся, то сколько еще у нас таких самых выдающихся?

О четвертом поэте-коммунисте Михаиле Васильевиче Исаковском т. Фалеев говорит, что он недостаточно оценен нами. Кем это — нами? т. Фалеев? Мы, поэты, очень высоко ценим творчество нашего т. Исаковского. Партия и правительство тоже его как будто не забыли оценить. Народ поет его прекрасные песни. А если вы еще не успели назвать его «крупнейшим» или «одним из самых выдающихся», — я думаю, он не обидится.

Но может заслуженно обидеться целый ряд наших поэтов, о которых т. Фалеев, в значительной степени о современной поэзии, даже не захотел упомянуть.

Я не вижу в выступлениях т. Фалеева имен таких поэтов, как Михаил Светлов, прекрасная работающая в трудном драматическом жанре, не вижу имени Виктора Гусева и других наших поэтов-драматургов. Почему ни слова не сказал т. Фалеев о действительно почти не известном в СССР поэте-орденноносце Викторе Виникуе, работающем в трудном жанре оперного либретто и написавшем ряд прекрасных произведений «малых форм». Почему вообще забыл весь отряд поэтов-магистров и сатириков, не говоря уже о многих, хорошо работающих, молодых и не молодых советских поэтах, хотя бы о тех, кто успешно работал на фронте.

Тов. Фалеев неизменно сузил разговор о современной поэзии — сузил по масштабам и изменил по смыслу.

С трибуны президиума Совза о наших поэтических задачах надо разговаривать сегодня не так и не в таком тоне, как это сделал т. Фалеев.

Я думаю, что такой настоящий разговор, профессиональный и высоко принципиальный, еще состоится.

Но сейчас дело не в разговоре, и в работе. Партия и народ ждут от нас работы, поднимающей людей на большие дела, воспитывающей в людях дух патриотизма, мужества и коммунистической чести, дух советского трудолюбия, дружбы и товарищества, ответственности всех за одного и одного за всех. Давайте работать, не покладая рук, чтобы было потом о чем поговорить.

Тов. Фалеев пытается раздавать нам чины и выклевывать на нас ярлыки.

Сотчемся славою, — ведь мы свои же люди, пускай нам общим памятник будет просторнейший в социализме.

Тов. Фалеев своей литературной полемикой обезьянствует нас. Счастливым этой полемикой является то, что поднимает вопросы поэтического эстетического, бездушиные формальности, формальности лирики и кружокских произведений о нашей действительности.

Этим людям мы словами Маяковского должны сказать:

Литературная поэзия, усложнение ваших нервы, отойдите, — вы мешаете мобилизации и маневрам.

Е. НЕЧАЕВ

Пятнадцать лет назад не стало одного из выдающихся зачинателей рабочей поэзии — Егора Ефимовича Нечаева...

Е. Нечаев родился в семье стеколяника в 1859 г. в селе Харитоново С. Терской губ. ...

В печати первые стихи Е. Нечаева начали появляться с 1891 г., чаще всего в детских журналах...

С ювенильной энергией принялся поэт за освоение новой для него области литературной работы...

Н. ЛЯШКО

ДЕТСКИЙ КАЛЕНДАРЬ НА 1941 ГОД

В скором времени Детиздат вышустит в продажу новый отрывной детский календарь на 1941 год...

Около двадцати листочков календаря заполнены оборонным материалом. Авторы его — полковник Н. Инкифоров и писатель Л. Савельев...

Большой раздел календаря знакомит ребят с ученическими тетрадями В. И. Ленина, детскими годами Н. К. Крупской...

1941 год ознаменуется столетием юбилеем М. Лермонтова. Уже в первых листочках календаря ребятам напоминает о подготовке к юбилею...

ПО СОВЕТСКОЙ СТРАНЕ

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.) В Доме писателя И. Маяковского открывается филиал университета марксизма-ленинизма...

КИЕВ. (Наш корр.) В рукописном отделе библиотеки Украинской академии наук найдено письмо, адресованное Киевской «Провите»...

ДНЕПРОПЕТРОВСК. Областное отделение Союза советских писателей обсудило пьесу местного автора П. Строковского «Лейтенант Серебряков»...

ЕРЕВАН. В Государственном литературном музее открылась выставка, посвященная советской литературе Армении...

ОМСК. Исполнилось 40 лет литературной и научной деятельности Петра Леоновича Драверта П. Л. Драверт известен не только как ученый, краевед...

САРАТОВ. В Государственном университете, Педагогическом институте и в областной библиотеке организованы выставки, посвященные жизни и творчеству Александра Блока...

ИВАНОВО. Открылась четвертая выставка художников города и области в картинном зале театра. Многомиллионный труд представителей мастеров знаменитых сел — Палея, Метеры и Ходуи...

Литературная газета

РЕДАКЦИЯ: Москва, Последняя пер., д. 26, телефоны отделов: современной литературы и критики, писем, искусств и публицистики, иностранного — К 4-46-19; информации — К 4-34-60; иллюстраций и секретариата — К 2-20-95.

Премьеры в московских театрах. Слева: «Учитель» С. Герасимова в театре им. Вахтангова; в роли учителя Степана Иванювича — Б. Бабочкин, в роли Аграфены Шумиловой — Н. Никитина...

Армас Эйкия

ПЕТРОЗАВОДСК. (Наш корр.) Имя поэта Армаса Эйкия пользуется заслуженной популярностью среди трудящихся Карело-Финской республики...

Через семь лет, приехав в Советский Союз, т. Эйкия нашел свои стихи бережно сохраненными одним из литераторов Советской Карелии.

Армас Эйкия много и успешно работает над переводом на финский язык Пушкина и Лермонтова...

С. НОРИН

Памяти Махтум-Кули

В Ашхабаде состоялось заседание коллегия по ознаменованию 160-летия со дня смерти основоположника туркменской поэзии Махтум-Кули...

Произведения Махтум-Кули до революции не издавались, если не считать томиков, вышедших в Ашхабаде на туркменском языке...

В числе книг, издаваемых к юбилею, — ряд художественных произведений, в которых отражена литературная и жизненная биография поэта.

«Демон» на грузинском языке

25 ноября объединенное заседание секции поэтов и переводчиков ССП Грузии было посвящено чтению и обсуждению нового перевода «Демона»...

Этот перевод по своим поэтическим качествам, близости к оригиналу, тщательности отклику резко отличается от других ранних переводов «Демона»...

«Демон» будет выпущен издательством «Федерация» в лермонтовском диалекте. Поэму иллюстрирует художник Ладо Гудашвили.

А. ГАЙДА

Седьмая книга «Новой Сибири»

ИРКУТСК. (От наш. корр.) Вышла из печати седьмая книга литературно-художественного альманаха «Новая Сибирь»...

В отделе поэзии широко представлены новые произведения иркутских поэтов: Ив. Молчанова (Сибирского) — цикл стихов о Монголии, К. Сельх — поэма «Новая Уд», рассказывающая о пребывании товарища Сталина в сибирской ссылке...

Отдел «Литературная трибуна» представляет доклад секретаря Иркутского обкома ВКП(б) И. А. Раскасова «Художественная литература в коммунистическом воспитании»...

Тов. Твардовский подробно останавливается на многочисленных недостатках произведений Комарова. Ученый характер большинства стихов проявляется, между прочим, в том, что осознание себя, как поэта — слуги народа, у нас нет, — говорит т. Твардовский...

Восторженной оценкой творчества молодого поэта Занаворова (гор. Молотов) в начале заседания, посвященного обсуждению его стихов, выступил Н. Павлов и А. Оленя-Гневушев...

Серьезному обсуждению творчества молодого поэта Занаворова посвящено заседание секции поэтов и переводчиков ССП Ленинграда...

Поэзия Занаворова, — говорит т. Комаров, — представляется мне как бы первой поэтической ступенью: автор читается выразителем непосредственно своего чувства, а не философом...

Вступившие в дискуссию представители критики, сделали заключение очень содержательным и интересным.

Об этом много говорили тт. Уткин, Долматовский и Данин.

В сущности, эти же вопросы были предметом разговора при обсуждении творчества дальневосточного поэта Комарова, выступившего недавно книжку стихов «На берегу Амура».

У поэта Комарова, — говорит т. Твардовский, — есть прекрасная возможность, которую он еще использует современно: рассказать читателю о чудесном крае, с его особым складом быта, с его необычайной природой...

Литература Советской Прибалтики

Информационные доклады о латышской, эстонской и литовской литературе сделаны недавно на заседании Бюро национальных комиссий тт. Целинко, Тоом и Янукевич...

Бюро национальных комиссий признало, что издание переводов произведений писателей Прибалтики на русский язык и писателей других братских республик на языки прибалтийских народов можно успешно осуществлять только при наличии двух центров издательской и переводческой работы — в Москве и в столицах Прибалтики...

В 1921 г. вышла первая мордовская газета, а в 1940 г. Мордовское издательство по разделу художественной литературы выпустило двадцать книг...

Из докладов мордовских писателей Н. Филиппова и А. Карасева, сделанных 5 декабря на заседании Бюро национальных комиссий ССП, видно, что литературная жизнь Мордовии очень оживилась...

Значительно меньше сделано в области фольклора. И совершенно справедливо Б. Скокыр и А. Дев указали мордовским писателям на недоучет ими устного народного творчества...

Мало также сделано в области перевода современной мордовской литературы на русский язык. Мордовские писатели должны проявить больше инициативы...

В 1921 г. вышла первая мордовская газета, а в 1940 г. Мордовское издательство по разделу художественной литературы выпустило двадцать книг...

Из докладов мордовских писателей Н. Филиппова и А. Карасева, сделанных 5 декабря на заседании Бюро национальных комиссий ССП, видно, что литературная жизнь Мордовии очень оживилась...

Значительно меньше сделано в области фольклора. И совершенно справедливо Б. Скокыр и А. Дев указали мордовским писателям на недоучет ими устного народного творчества...

Мало также сделано в области перевода современной мордовской литературы на русский язык. Мордовские писатели должны проявить больше инициативы...

В 1921 г. вышла первая мордовская газета, а в 1940 г. Мордовское издательство по разделу художественной литературы выпустило двадцать книг...

Из докладов мордовских писателей Н. Филиппова и А. Карасева, сделанных 5 декабря на заседании Бюро национальных комиссий ССП, видно, что литературная жизнь Мордовии очень оживилась...

Значительно меньше сделано в области фольклора. И совершенно справедливо Б. Скокыр и А. Дев указали мордовским писателям на недоучет ими устного народного творчества...

Мало также сделано в области перевода современной мордовской литературы на русский язык. Мордовские писатели должны проявить больше инициативы...

В 1921 г. вышла первая мордовская газета, а в 1940 г. Мордовское издательство по разделу художественной литературы выпустило двадцать книг...

Из докладов мордовских писателей Н. Филиппова и А. Карасева, сделанных 5 декабря на заседании Бюро национальных комиссий ССП, видно, что литературная жизнь Мордовии очень оживилась...

Воспитание молодых авторов

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.) Несколько дней в Ленинградском отделении Союза советских писателей обсуждалась работа «Объединения молодых писателей» при газете «Смена».

В это литературное объединение, помимо начинающих авторов, входила значительная группа молодых поэтов — членов Союза писателей. При полной бездельности ленинградской поэтической секции это объединение фактически полностью собою заменило секцию ЛенССП...

На последнем заседании правления ЛенССП сурово критиковали руководителя объединения А. Гитовича.

— Какие бы ни были заслуги А. Гитовича в деле выдвижения и объединения поэтической молодежи, — говорит В. Лихарев, — нам нельзя пройти мимо того, что он упустил самое главное: не организовал идейного воспитания молодых поэтов и этим способствовал застоявшемуся и взаимному захватыванию.

Об ошибках в руководстве объединением говорили также А. Прокофьев, Н. Браун, Ф. Князев и др.

— Было время, — резюмирует прения Б. Бялик, — когда т. Гитович делал полезное дело, продвигая книги молодых поэтов, добываясь помощи молодежи со стороны Лиффонда и т. д. Но вместе с тем т. Гитович несет ответственность за большие идейные ошибки, допущенные объединением. Мы знаем, что в журнале

«Литературный современник», поэтический отдел которого заведует также т. Гитович, был напечатан ряд плохих, идейно вредных стихов членов объединения. Эти идейные срывы молодых поэтов неизбежно связаны с творческими ошибками самого т. Гитовича, ярко выраженными в цикле его стихов «Разлука».

Вместе с тем отмечалось, что поэты старшего поколения никакой помощи и никакого внимания объединению не оказывали. Столь же безразлично относился к объединению и редакция газеты «Смена», хотя ленинградский горком ВЛКСМ неоднократно указывал редакции на необходимость улучшить руководство молодых писателями.

Вместе с тем, правление ЛенССП потребовало живой творческой работы и от поэтической секции. Решено в ближайшие дни созвать собрание поэтов, на котором избрать новое работоспособное бюро.

Ю. ИС.

Новые документы о Герцене

ИВАНОВО. (Наш корр.) При разборе материала в Ивановском государственном архиве обнаружены документы, относящиеся к периоду пребывания А. И. Герцена в ссылке в г. Владимире.

«21 Января 1838 г. Владимирскому Губернскому Правлению».

Министр Внутренних дел от 30-го ноября минувшего года сообщил министерству Высочайшего Его императорского Величества повеления состоявшегося на всеподданнейший доклад особо учрежденной следственной комиссии по делу о Пасвиальных стихах писателя в Москве, отправлен был в 1835 году в Вятку прикомандованный к нему титулярный советник Герцен...

К этому документу приложен формулярный список, датированный 1837 г. о службе А. И. Герцена. В нем говорится: «Титулярный советник Александр Иванович Герцен от роду ему 25 лет, Греко-русский язык, воспитанник гвардии Капитана Яковлева».

Как известно, Герцен родился 25 марта (ст. ст.) 1812 г. от брака Яковлева с Луизой Гаал. Их брак не был оформлен. Вот почему в формулярном списке особо подчеркивается, что Герцен «воспитанник», следовательно, незаконнорожденный.

Б. ГОРБУНОВ

Впервые в истории советского театра замечено место явления ее пьесы «Город хлебный». В дальнейшем Н. Ю. Жуковской был написан ряд пьес: «Под пятой крышей», «Гармошка», «Чернышевский».

Заслуживает внимания и драматургические произведения, написанные покойной для детского театра: «Дети Индии», «Шаф», «Сказка о попе и работнике его Балды» (по Пушкину), «Тарас Шевченко».

В совершенстве владеет английским, французским и немецким языками, Н. Ю. Жуковская перевела ряд пьес Шоу, Лябица, Гейбеля, Лопе-де-Вега и др.

До последних дней своей жизни Наталья Юльевна была творчески активным писателем, отдающим все свои силы и способности советскому театру.

Б. Лаврентев, М. Зощенко, Л. Вильямс, А. Брянцев, Н. Никитин, В. Боцмановский, М. Кастанальса, П. Гайдебуров и другие.

Учебная часть филиала университета марксизма-ленинизма при Союзе советских писателей ищет слушателей, что в декабре план занятий 1-го курса университета следующий:

0.XII — первая лекция — «Французский материализм XVIII века», вторая лекция — «История ВКП(б)» — IV глава. 16, 23 и 30 декабря — семинарские занятия по книге В. И. Ленина «Что делать?».

В среду, 11 декабря, состоится заседание Пушкинской комиссии, на котором выступит И. Сельвинский. Тема выступления — драматургия Пушкина.

Редакционная коллегия: В. ВИШНЕВСКИЙ, А. КУЛАГИН (отв. редактор), В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, М. ЛИОШЦЕВ, Е. ПЕТРОВ, Н. ПОГОДИН, А. ФАДЕЕВ.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ НОТНЫЙ МАГАЗИН МОГИЗА

КНИГИ ПО МУЗЫКЕ: С. А. ПАВЛОВИЧЕВ. Элементарная теория музыки. 2-е изд. Ц. 6 р. М. ПЕКЕЛИО и др. История русской музыки. Том II. Ц. 14 р. В. ФЕРМАН. История западноевропейской музыки от 1789 г. до Вагнера. Ц. 18 р. 50 к. П. И. ЧАЙКОВСКИЙ. Письма к родным. Том I. Ц. 32 р. 50 к. А. Н. ОСТРОВСКИЙ и русские композиторы. Письма. Ц. 15 р. 50 к. А. А. ГАРБУЗОВ и др. Музыкальные аккорды. Ц. 9 р. Н. А. ГАРБУЗОВ. О многоголосии русской народной песни. Ц. 4 р. Ю. Н. ТЮЛИН. Учение о гармонии. Т. I. Ц. 7 р. 75 к. М. ЯНОВСКИЙ. Исаяв Осипович Дуневский. Ц. 11 р. 25 к. Л. КУЛАКОВСКИЙ. Строение култевной песни. Ц. 1 р. 25 к. М. П. МУОРОСКИЙ. Письма к А. А. Голенищеву-Кутузову. Ц. 3 р. 60 к. Г. ОРЛОВ. Детские жизни и творчества М. П. Муороского. Ц. 16 р. 75 к.

КНИГИ ВЫСЛАЮТСЯ НАЛОЖНЫМ ПЛАТЕЖОМ БЕЗ ЗАДАТКА ПЕРЕСЫЛКА ЗА СЧЕТ ЗАКАЗЧИКА. МОСКВА 31, Неглинная, 14 НОТЫ ПОЧТОЙ МОГИЗА

НА КУРСАХ-КОНФЕРЕНЦИИ

СЕРЬЕЗНЫЙ, деловой тон, отличавший первые заседания конференции, был выдержан и во всей последующей работе морских поэтов и критиков с писателями, живущими в областях страны.

Наиболее интересно прошло обсуждение стихов и поэм новосибирского поэта Мухачева. Два основных вопроса стояли в центре внимания выступавших. Первый — об умении поэта показать в своем творчестве своеобразие края, с одной стороны, а с другой — об умении преодолеть локальную и областную ограниченность материала, умения через свое показать общее, нашу страну, наше время.

Второй вопрос, возникший при обсуждении стихов Мухачева, это — вопрос о традиционности и покорном следовании классическим образцам, не только в отношении ритма и композиции, но даже в отношении словаря и интонации.

Об этом много говорили тт. Уткин, Долматовский и Данин.

В сущности, эти же вопросы были предметом разговора при обсуждении творчества дальневосточного поэта Комарова, выступившего недавно книжку стихов «На берегу Амура».

У поэта Комарова, — говорит т. Твардовский, — есть прекрасная возможность, которую он еще использует современно: рассказать читателю о чудесном крае, с его особым складом быта, с его необычайной природой...

Восторженной оценкой творчества молодого поэта Занаворова (гор. Молотов) в начале заседания, посвященного обсуждению его стихов, выступил Н. Павлов и А. Оленя-Гневушев...

Серьезному обсуждению творчества молодого поэта Занаворова посвящено заседание секции поэтов и переводчиков ССП Ленинграда...

Тов. Твардовский подробно останавливается на многочисленных недостатках произведений Комарова. Ученый характер большинства стихов проявляется, между прочим, в том, что осознание себя, как поэта — слуги народа, у нас нет, — говорит т. Твардовский...

Восторженной оценкой творчества молодого поэта Занаворова (гор. Молотов) в начале заседания, посвященного обсуждению его стихов, выступил Н. Павлов и А. Оленя-Гневушев...

Серьезному обсуждению творчества молодого поэта Занаворова посвящено заседание секции поэтов и переводчиков ССП Ленинграда...

Поэзия Занаворова, — говорит т. Комаров, — представляется мне как бы первой поэтической ступенью: автор читается выразителем непосредственно своего чувства, а не философом...

Вступившие в дискуссию представители критики, сделали заключение очень содержательным и интересным.

Об этом много говорили тт. Уткин, Долматовский и Данин.

В сущности, эти же вопросы были предметом разговора при обсуждении творчества дальневосточного поэта Комарова, выступившего недавно книжку стихов «На берегу Амура».

У поэта Комарова, — говорит т. Твардовский, — есть прекрасная возможность, которую он еще использует современно: рассказать читателю о чудесном крае, с его особым складом быта, с его необычайной природой...

Тов. Твардовский подробно останавливается на многочисленных недостатках произведений Комарова. Ученый характер большинства стихов проявляется, между прочим, в том, что осознание себя, как поэта — слуги народа, у нас нет, — говорит т. Твардовский...

Восторженной оценкой творчества молодого поэта Занаворова (гор. Молотов) в начале заседания, посвященного обсуждению его стихов, выступил Н. Павлов и А. Оленя-Гневушев...

Серьезному обсуждению творчества молодого поэта Занаворова посвящено заседание секции поэтов и переводчиков ССП Ленинграда...

Поэзия Занаворова, — говорит т. Комаров, — представляется мне как бы первой поэтической ступенью: автор читается выразителем непосредственно своего чувства, а не философом...

Вступившие в дискуссию представители критики, сделали заключение очень содержательным и интересным.

Об этом много говорили тт. Уткин, Долматовский и Данин.

В сущности, эти же вопросы были предметом разговора при обсуждении творчества дальневосточного поэта Комарова, выступившего недавно книжку стихов «На берегу Амура».

У поэта Комарова, — говорит т. Твардовский, — есть прекрасная возможность, которую он еще использует современно: рассказать читателю о чудесном крае, с его особым складом быта, с его необычайной природой...

рживает большое знание людей, производств и сельского хозяйства, ставит значительные задачи и привлекает к разрешению их интересные материалы.

Но знание материала, как справедливо замечает т. Гейт, — это еще не дознание жизни. Даже и в наиболее удачной повести «Доктор» автор не сумел «победить» материал — подчинить своей теме.

При обсуждении рассказов Старикова Ю. Слезкин затронул интересный вопрос о стиле. — Нельзя, — говорит он, — работать над словом и стилем вне связи с собственным характером и темпераментом. Работа над словом — это поиски наиболее полного выражения самого себя.

В историческом романе В. Неводова «Бриллиантовый князь» описывается история купца Куракина, попавшего в тюрьму Екатерины II и сосланного ею в село Надеждино. Автор показывает в своем произведении аристократизм и народ.

В обсуждении этого романа участвовали Л. Хайт, М. Эгарт, А. Караваева, Н. Москвин, В. Валедцкий, Л. Мышкова и В. Ковалевский.

По общему признанию, произведение, над которым В. Неводов проработал четыре года, к сожалению, не удалось писателю. Он добросовестно изучил и привлек большой исторический материал, но ничего нового к тому, что уже было написано об этой эпохе, не сумел прибавить. Центральная фигура романа — князь Куракин — показан трагедно, в то время как в нем как раз соединялись производственные черты дворянина-буржуа, аристократа и самодура с чертами интеллигентного дельца-промышленника.

В. Неволов не напел художественных средств, чтобы правдиво выразить эти черты героя довести до сознания читателя.

Отсутствие наблюдательности приводит Неволова к фальши в описании образов, к неверному изображению деталей быта, к монотонности языка. В. Неволов, видимо, преждевременно принял за такую серьезную, большую вещь. Недостатки ее, свидетельствующие о невыработке еще художественной манеры писателя, о слабо развитом эстетическом вкусе, В. Неволов должен стараться преодолеть на весах крупного масштаба.

В. Неволов